

ВОСПРИЯТИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА РУССКИМ ЯЗЫКОВЫМ СОЗНАНИЕМ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИЙ О ЯЗЫКЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ)

Г. В. Маркелова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье рассматриваются особенности коммуникации в сфере традиционного русского православия, связанные с рефлексией по поводу языкового кода речи, несущей сакральные смыслы. Анализируются материалы дискуссий по вопросу о том, следует ли в современном православном богослужении сохранить церковнославянский язык или же пора заменить его на общепонятный русский.

Ключевые слова: *языковой узус населения, конфессиональный язык, сакральная коммуникация, понимание / понятность церковнославянского текста, восприятие рациональное / эстетическое*

Языковая ситуация в России XX в. может быть охарактеризована как ситуация русского национального моноязычия, осложнённого полиэтническим иноязычием народов Российской / Советской государства. Фактором, ещё более осложняющим современную культурно-языковую ситуацию, является употребление в религиозной сфере особых сакральных языков – церковнославянского, арабского, латинского, еврейского. Социолингвисты указывают, что при господстве секулярной культуры и нерелигиозного мировоззрения конфессиональный язык уже не входит в ключевые оппозиции языковых ситуаций и не способен их существенно изменить. Напротив, различные конфессии приходят к необходимости адаптировать конфессиональный язык к сложившейся языковой ситуации, приблизить конфессиональные тексты к языковому узусу населения [3, с. 83]. Действительно, в наши дни православные канонические книги всё ещё издаются на церковнославянском середины XVII в., но несравнимо большими, массовыми тиражами печатаются они в переводе на современный русский язык. Православное богослужение по-прежнему ведётся на церковнославянском языке, но проповеди читаются по-русски.

Наблюдения за языковой практикой РПЦ позволили Л. П. Крысину выделить в современном русском литературном языке особый стиль – религиозно-проповеднический, который используется в различных жанрах богослужебных текстов, в богословской литературе, поучениях, молитвах, притчах, проповедях и исповедях. Отличительной языковой чертой этого стиля, указывает исследователь, является использование высоких, в том числе архаических языковых средств, создающих возвышенно-торжественный тон речи [2, с. 135–138]. Выделяемый Л. П. Крысиным стиль не совпадает с церковнославянским богослужебным языком. Последний не сливается с современным русским, остаётся нетождественным ему, несмотря на то, что на протяжении своей многовековой истории он во многом сближался с

русским разговорным языком. Именно русификация в значительной мере обеспечивала жизнеспособность церковнославянского, который с течением времени становился всё более «тёмным» для русского языкового сознания. В связи с этим в XX в. неоднократно возникали дискуссии по вопросу о том, оставаться ли богослужению в русской церкви церковнославянским по языку или же переходить на общепонятный русский.

Истоки обновленческих идей в России восходят к концу XVIII – началу XIX в., когда в образованном русском обществе утверждается русско-французский билингвизм, а церковнославянский «замыкается в стенах храма» [1, с. 10] и уже не применяется как средство культурного общения. Даже христианские канонические книги (в том числе Евангелие) образованные люди XIX в. читают во французском, позднее – в немецком и английском переводе [см., например: 4, с. 123]. С этого времени в образованных кругах появляется восприятие церковнославянского как языка, по непонятности сопоставимого с латынью. В начале XX в. мысль о непонятности церковнославянского русским людям начинают высказывать даже служители православной церкви («Материалы к предстоящему Всероссийскому собору» 1906 г., материалы Собора РПЦ 1917–1918 гг., собора союза «Церковное возрождение» 1924 г. [1]). Наконец, в либеральную эпоху 80–90-х гг. XX в. дискуссия о языке богослужения с новой силой разгорается на страницах церковной печати.

Основной тезис всех обновленцев таков: поскольку церковнославянский непонятен верующим, он не должен оставаться языком русской церкви. Прежде всего это касается «народа», «простецов», для которых почти нет молитв, доступных их пониманию. Между тем, с начала XX в. больше всего жалоб на «темноту» церковнославянского раздаётся не со стороны «народа», а со стороны интеллигенции, которая, по замечанию одного священника, привыкла «относиться сознательно к делу» [1, с. 64]. В 1906 г. профессор А. Тураев свидетельствует: «...факты непонимания даже нашими образованными современниками славянского текста... бывают поразительны. Так, сделанный о. прот. А. П. Мальцевым перевод богослужебных книг на немецкий язык оказался полезным прежде всего для русских, через немецкий текст понявших красоту православных песнопений» [1, с. 352]. Более того, в начале XX в. появляются свидетельства, что церковнославянский непонятен не только т.н. церковному народу – певчим, регентам, монахам [1, с. 309], но даже священнослужителям со специальным образованием. Так, священник А. Лиховицкий говорил: «...мы издаём распоряжения... о правильном чтении псаломщиками! Мёртвое дело! Как может человек правильно логически и с чувством читать для других то, что он сам не понимает?» [1, с. 83]. Другой священник подчёркивает, что «многие стихиры и тропари являются непонятными даже для людей, прошедших высшую богословскую школу, или же понятными лишь людям, изучающим греческий язык специально» [1, с. 320]. В результате, по словам архиепископа Иакова, «возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих» [1, с. 47]. В связи с этим уже с начала XX в. раздаются призывы к изменению богослужебного языка в интересах верующих.

В конце века, в годы перестройки, с этой же мыслью выступили последователи протоиерея А. Меня – иерей А. Борисов, священник Г. Кочет-

ков и др. Они сумели привлечь на свою сторону академика С. С. Аверинцева, который писал, что современная русская церковь должна «дать текст, понятный для советского дичка» [1, с. 250], т.е. текст на современном русском языке. В пользу такого перевода приводились аргументы, известные ещё с начала века: русский язык обладает необходимым достоинством для выражения «интимных движений религиозно настроенной души и возвышенных понятий христианского богословия» [1, с. 338]; в качестве богослужебного русский язык не менее правоспособен, чем национальные языки других народов (немцев, англичан), принятые в их богослужении [1, с. 342]. В качестве примеров успешного применения русского языка в богослужебных текстах приводились молитвы, сочинённые и переведённые о. Иоанном Кронштадтским [1, с. 354].

Что же касается противников обновленцев, то они были разнородны по составу и в защиту своей позиции выдвигали весьма разноречивые аргументы. Первую – радикальную группу традиционалистов составили фанатические приверженцы церковнославянского богослужения. Для них кощунственна сама мысль о возможности изменения богослужебного языка. В начале XX в. к ним относились, с одной стороны, люди «от земли», такие, как крестьянин Ф. Г. Зибаров, который покушение на церковнославянский язык рассматривал как сигнал о пришествии на Русь антихриста [1, с. 62]. С другой стороны, в эту группу входили высокие авторитеты церкви, в том числе патриарх Тихон, который категорически отверг возможность богослужения на русском языке, заявив: пусть лучше церковь провалится [1, с. 171–172].

Вторую – умеренную группу традиционалистов составили священнослужители разных рангов и образованные миряне. Один из их основных тезисов прямо противоположен обновленческому: «Невразумительность славянского языка только кажущаяся» [1, с. 106]. Доктор богословия В. Певницкий обосновывает этот взгляд тем, что мы – «главное ядро славянского племени» и в русском языке «сохранилось более элементов древнеславянского языка, чем в других славянских наречиях» [1, с. 94]. Отсюда последовали прямолинейные утверждения о том, что «родной славянский язык понятен всякому русскому человеку», что «церковнославянский язык прост для понимания народа» [1, с. 349]. Однако этот тезис находился в столь явном противоречии с реальностью, что его сторонникам пришлось сделать существенные оговорки. Во-первых, о том, что из-за непонятности многих церковнославянских слов и выражений народ уловляет всё же только «общий дух, характер и смысл» церковнославянского текста [1, с. 96], и, во-вторых, о том, что русскому человеку чужды церковнославянские грамматические формы.

Второй аргумент находится в определённом противоречии с первым. Его выдвигают образованные церковники и учёные-филологи. Они говорят, что неполная понятность южнославянского перевода богослужебных книг оправданна, так как у церковнославянского языка особая функция и назначение – «выражать Божественное учение» [1, с. 217] и быть «формой для выражения молитвенных состояний» [1, с. 222]. Позднее, в 90-е гг. XX в., эта же мысль формулируется так: церковнославянский язык – это средство не

практической, а сакральной коммуникации (общения человека с Богом и беседы о Боге), и потому он не может не отличаться от языка обыденного [1, с. 217–229]. С этих позиций церковнославянский предстаёт как особая «среда богообщения» и одновременно – как освящённое средство богообщения, которое используется для выражения не человеческой, а божественной точки зрения [1, с. 230, 239, 241]. Этот намоленный за века язык «как бы впитал в себя свойства священного текста» [1, с. 217]. Поэтому для верующих церковнославянский язык – это «словесная плоть» православного вероучения, неразрывно сросшаяся с ним, это «словесная икона», которая должна почитаться как неприкосновенная святыня [1, с. 88, 218, 243].

Третий аргумент в защиту церковнославянского как богослужебного языка – привычка и благоговейное отношение к нему верующих: народ любит этот язык, даже если не каждый его хорошо понимает [1, с. 49]; «Отнять у нас, сроднившихся со славянским богослужением, славянский язык – оторвать часть нашей души» [1, с. 356].

В качестве дополнительного довода в пользу церковнославянского выдвигаются его высокие эстетические достоинства: высота строя, богатство, выразительность и благозвучие, что делает его языком «художников молитвы», неподражаемым по красоте [1, с. 80, 334]. Напротив, русский язык, по мнению традиционалистов, проигрывает церковнославянскому по ряду важных позиций. Он не является изначально сакральным и сам по себе не возбуждает молитвенного настроения [1, с. 110]. Это язык «для передачи земных и низких интересов», который низведёт богослужение на уровень простых будничных явлений [1, с. 92, 349], в то время как церковнославянский – «завеса для святыни от всяких оскорблений» [1, с. 349]. При этом в качестве доказательных иллюстраций приводятся сопоставления параллельных выражений на церковнославянском и русском языках: *отверзу уста моя – открою рот свой, перст Божий – палец Божий* и др. Подобные замены церковнославянских слов русскими оцениваются как недопустимое нарушение церковного приличия [1, с. 93]. Кроме того, указывается, что русский перевод ломает ритм фразы и разрушает церковное пение [1, с. 80, 193]. Вывод соответственно таков: священный текст не может являться в одежде обыденной речи, как священник не может совершать службу в светской одежде [1, с. 90, 101, 219].

На призыв реформаторов пожертвовать эстетикой ради смысла [1, с. 340] традиционалисты возражают следующим образом. Более точным по смыслу является не русский, а церковнославянский перевод священных текстов, усвоивший многие особенности греческого [1, с. 226]. А главное – простой перевод на русский язык не сделает церковнославянский текст более понятным: для этого необходимо ещё понимать церковную поэзию и иметь специальное религиозное знание [1, с. 45]. В итоге традиционалисты утверждают: «Нельзя служить Богу на языке мира сего» [1, с. 280].

В ходе дискуссий были заявлены и две компромиссные точки зрения. Первая: надо упростить церковнославянские тексты, заменив в них непонятные слова и конструкции, а также слова и выражения, которые коробят слух современного русского человека (*понос* ‘поношение’; слова, ставшие частью русской матерной брани). Вторая: надо создать облегчён-

ный, слегка русифицированный церковнославянский – новославянский язык и перевести на него священные книги и богослужение [1, с. 12]. В 1902 г. именно такой перевод был поручен Синодальной комиссии. Однако новые переводы не привились почти нигде.

С языковедческой точки зрения основное различие между реформаторами и традиционалистами состоит в их принципиально разном подходе к церковнославянскому языку и тексту. Реформаторам свойствен конвенциональный подход к языковому знаку как знаку условному. Для них перемена языка богослужения – это просто замена одной языковой оболочки на другую, не затрагивающая сущностного смысла речи. Поэтому перевод церковнославянских текстов на русский язык не является для них кощунством [1, с. 63–64]. Традиционалисты же придерживаются неконвенциональной трактовки языкового знака: они понимают слово как часть обозначаемой им сакральной сущности. Поэтому изменение традиционного языка богослужения расценивается ими как еретическое, и РПЦ остаётся приверженной церковнославянскому богослужебному языку. Церковь заявляет, что проблемы церковнославянского языка в современном обществе верующих вообще не существует, т.к. православный народ высоко ценит этот язык и безоговорочно принимает его в богослужебной функции. При этом умалчивается о том, что обновленческие храмы, в которых служба ведётся на русском языке, далеко не пустуют. Кроме того, современные верующие в своей массе если и читают священные тексты, то по-русски, а не по-церковнославянски. Это свидетельство того, что в наше время восприятие и оценка церковнославянского языка не столь однозначны, как это представляет общественности официальная церковь.

Нам кажется верным утверждение участника дискуссий последних лет Д. Названова, что современный русский человек воспринимает церковнославянский и русский как две разновидности одного языка [1, с. 305]. Однако, по нашему мнению, современный человек видит в них не высокую и низкую разновидности языка, а архаическую (ставшую церковной) и современную (светскую) разновидности. В обыденном языковом сознании человека конца XX и начала XXI в. церковнославянский – это не вполне понятный старинный русский язык, клирикальная функция которого освящена временем и национальной традицией. Церковная служба на нём – это, прежде всего, часть традиционного ритуала священнодействия, в известной степени магического, чудесного. И главное в этом ритуале – совсем не его полная понятность. Абсолютная понятность в определённой мере даже противоречит природе богослужебного действия как особого таинства, изначально заключающего в себе элемент непостижимости. В этом смысле использование в православном богослужении русского языка может быть воспринято как неправомерное стремление совлечь покров таинственности с того, что рационалистическому осмыслению не подлежит. В таком контексте известная «загадочность», неполная ясность сакрального слова и особые стилистические свойства церковнославянского языка являются для *верующих по традиции* (а их в нашем обществе подавляющее большинство) закономерными и ценными качествами языка богослужения.

В то же время некоторые элементы традиционных по языку богослужебных текстов воспринимаются современными прихожанами как бессмыслица. Это главным образом лексические и грамматические архаизмы, вроде контаминированного образования *жезаны* (из церковнославянского же за ны – ‘(моли) же за нас’), отмеченного ещё М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Пошехонской старине» [5]. Подобные сегменты сакрального дискурса для многих современных верующих служат препятствием к безоговорочному принятию церковнославянского как идеального богослужебного языка.

Список литературы

1. Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации [Текст] : [б.м.], Изд. Сретенского монастыря, 1999. – 411 с.
2. Крысин, Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка [Текст] / Л. П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура ; памяти Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 135–138.
3. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 283 с.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 16 т. / А. С. Пушкин ; ред. комитет: М. Горький [и др.]. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. XIII : Переписка, 1815–1827 / ред. Д. Д. Благой. – 1937. – 651 с.
5. Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Правда, 1984. – 576 с.

PERCEPTION OF SLAVONIC BY CONSCIOUSNESS OF XX CENTURY (BASED ON DISCUSSIONS ABOUT THE LANGUAGE OF WORSHIP)

G. V. Markelova

Tver State University
Department of Russian Language

The article discusses the features of communication in traditional Russian Orthodoxy-related reflection about the linguistic code of speech which bears the sacred meanings. The debate materials about to save Church Slavonic language in the modern Orthodox or it should be changed into modern Russian is analyzed here.

Key words: *language usus of population, confessional language, sacred communication, understanding / clarity of the Church Slavonic text, the perception of sound / aesthetic*

Об авторах:

МАРКЕЛОВА Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, e-mail: kafrus@tversu.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.